

Наталья ГОЛАНТ,

Мария РЫЖОВА

АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ ЗАГОВОРОВ ВЛАХОВ (РУМЫН) ВОСТОЧНОЙ СЕРБИИ НА ПРЕДМЕТ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

<https://doi.org/10.52603/rec.2021.30.07>

Rezumat

Analiza lexicului descântecelor vlahilor (românilor) din estul Serbiei

pe seama subiectului împrumuturilor lexicale

În articolul de față este vorba despre împrumuturi lexicale din limba sârbă în unele texte ale descântecelor folosite de vlahi (români) din estul Serbiei. Articolul se bazează pe materialele de teren ale autoarelor. Analiza vocabularului descântecelor se realizează pe exemplul a două texte înregistrate de la vorbitori nativi ai dialectului oltenesc al limbii române din satele comunelor Zaječar și Negotin. Sunt texte care reprezintă un descântec vizând îndepărtarea pagubelor și „returnarea” prejudiciului celui care l-a provocat (*Întorsura mare*) și un descântec pentru noroc (*De noroc*). În cursul cercetărilor de teren s-au înregistrat și alte descântece – în primul rând cele care vizează vindecarea diferitelor boli: descântecul de durere de dinți sau de inflamație a urechilor (*De năjit*), de furuncule (*De buboaiie*), de inflamație a glandelor (*De gâlci*), de otrăvire cu mercur (*De argint viu*) etc. Informațiile de la care au fost înregistrate aceste descântece sunt femei în vârstă, care au absolvit cel puțin școala elementară, dar nu știu forma scrisă a limbii lor materne, pentru că instruirea lor a fost exclusiv în sârbă. Textele descântecelor au un caracter stabil (exclud variabilitatea componentelor). Cu toate acestea, unele împrumuturi din limba sârbă, care fac parte din dublete lexicale moderne și nu sunt înregistrate în dicționarele limbii române, se păstrează încă în textele descântecelor.

Cuvinte-cheie: descântece, *magie vlahă*, împrumuturi lexicale, limba română, limba sârbă.

Резюме

Анализ лексики заговоров вlahов (румын) Восточной Сербии на предмет лексических заимствований

В статье идет речь о лексических заимствованиях (в синхронном плане) из сербского языка в заговорных текстах, бытующих у вlahов (румын) Восточной Сербии. В основу статьи легли полевые материалы авторов. Анализ лексики заговоров проводится на примере двух текстов, записанных от носителей олтенского диалекта румынского языка, проживающих в селах общины Заечар и Неготин. Это заговор, направленный на снятие порчи и «возвращение» вреда тому, кто его причинил (*Întorsura mare*, букв. «Большой возврат»), и заговор на удачу (*De noroc*). Во время экспедиций были записаны и другие заговоры, главным образом направленные на исцеление различных болезней: от зубной боли или воспаления уха (*De năjit*), от фурункулов (*De buboaiie*), от воспаления гланд (*De gâlci*), отравления ртутью (*De argint viu*, букв. «От живого серебра») и др.

Информанты, от которых были записаны заговоры, – пожилые женщины; все они окончили по крайней мере начальную школу, но письменной формой родного языка не владеют – их обучение проходило исключительно на сербском. Заговорные тексты отличаются устойчивостью. Однако отдельные заимствования из сербского языка, которые входят в состав современных лексических дублетов и не зафиксированы ни в одном из словарей румынского языка, все же встречаются в текстах заговоров.

Ключевые слова: заговорные тексты, *влашская магия*, лексические заимствования, румынский язык, сербский язык.

Summary

Analysis of incantation vocabulary of Vlahs (Romanians) from Eastern Serbia on the subject of lexical borrowings

The article discusses the lexical borrowings from the Serbian language in the incantations of Vlahs (Romanians) from Eastern Serbia and is based on the authors' field materials. Incantation vocabulary analysis is carried out on the example of two texts recorded from native speakers of Oltenian dialect of the Romanian language from the villages of Zaječar and Negotin. There is an incantation called *Întorsura mare* (literally „Great return“, this incantation aims at removing damage and returning it to the person who caused it); the spell *De noroc* (*Good luck*) is meant to attract good luck. During the field research were recorded other incantations, mainly aimed at curing various diseases: the incantation of toothache or ear inflammation (*De năjit*), boils (*De buboaiie*), inflammation of the glands (*De gâlci*), mercury poisoning (*De argint viu*, lit. “Of live silver”) etc. The informants from whom the incantations were recorded are elderly women, all of whom completed at least primary school, but do not know the written form of their native language, because they studied in Serbian. The texts of incantations have a stable character (exclude the variability of the components). However, some borrowings from the Serbian language, which are part of modern lexical duplicates and are not recorded in Romanian dictionaries, are still preserved in the texts of the incantations.

Key words: incantations, *Vlach magic*, lexical borrowings, Romanian language, Serbian language.

Статья основана на полевых материалах авторов, собранных в 2018–2019 гг. в селах общины Заечар Заечарского округа и общины Неготин Борского округа Сербии. Носителей румынского языка, живущих в Восточной Сербии

(округа Браничево, Бор, Заечар и Поморавље) обычно называют влахами¹, в отличие от румыноязычных жителей Воеводины, которых именуют румынами. Жители обследованных нами сел – носители олтенского, или царанского², диалекта румынского языка.

Наряду с фонетическими и грамматическими особенностями, как то: чередование гласных [e, ə, o] в середине слова, которые закрываются до [i, i, u] ([di, di la] вместо стандартного de, de la), или широкое распространение простого перфекта, употребляемого наряду с формами сложного перфекта (*văzurați: ați văzut*) (подробно см. Bădescu), в олтенском диалекте особенности проявляются в лексике, для которой характерно широкое использование архаизмов, славизмов, регионализмов, трансформация значений лексических единиц, ассимиляция лексических заимствований из сербского языка. В основном это касается бытовой лексики: *comșie* ‘сосед’, *prodavniță* ‘магазин’, *prașac de pețivo* (от серб. *прашак за пециво*) ‘порошок для выпечки, разрыхлитель’.

Заговоры, как отметил румынский лингвист и диалектолог Э. Петрович еще в 1930-х гг., являются наиболее развитым жанром устного народного творчества влахов (румын) Восточной Сербии (Petrović 1942). Этот факт отмечает и современный исследователь С. Гацович, опубликовавший ряд влашских заговоров (преимущественно на банатском (унгуриянском³) диалекте) (Гацовић 2002).

Здесь мы рассмотрим два текста – заговор, направленный на снятие порчи и «возвращение» причиненного вреда тому, кто ее навел (*Întorsura mare*), и заговор на удачу (*De noroc*).

**Întorsura mare (букв. «Большой возврат» – заговор от порчи)
(информант Виданка Лаутаревич
(Vidanca a lu Lautariu), с. Шипиково)**

Bună ziua apa mare!
Apa mare trecătoare,
Șezi (nume cutare) pe scaun de mătase!
Nu am venit să șed pe scaun de mătase,
Numa am venit ca m-a făcut fermecătoare
Urâta urâților,
Zgâita zgâiților,
Strâmba strâmbiților,
Că ea mi l-a dat cu una,
Eu le dau cu două,
Că ea mi l-a dat cu două,

Eu le dau cu trei,
Că ea mi l-a dat cu trei,
Eu le dau cu patru,
Că ea mi l-a dat cu patru,
Eu le dau cu cinci,
Că ea mi l-a dat cu cinci,
Eu le dau cu șase,
Că ea mi l-a dat cu șase,
Eu le dau cu șapte,
Că ea mi l-a dat cu șapte,
Eu le dau cu opt,
Că ea mi l-a dat cu opt,

Eu le dau cu nouă,
Cu mâinile mele amândouă.
Fac brâu colac,
Le arunc capul cui i-a dat.
Ea le-a dat cu traista,
Eu le dau cu sacu zăstălit,
Ea le a dat cu sacu,
Eu le dau cu caru încergat,
Cu fterul plugului așezat,
Că nu e nici un păcat,
Că destul și (nume cutare) a purtat.

Voi fi sta la cruce (?)
Cum întoarce plugu,
Cât o fi brăzulele
Și fână pe livadea
Și pe apă-n ogășel,
Și apă-n izvoraș,
Frunza-n tufăior (?),

Floarea-n mălior
Și vozu pe prugă îl oprește,
Așa să se ducă la care mi l-a făcut,
Rău acasă mi-a gândit.
Du-du-du, du-du-du!
Cum se potolesc oile-n bârlogele,
Porci în cârtologele,

Găinile în cocoșeiniță,
Vacile în coșere,
Păsăricile în cuiburele,
Așa să se potolească casa mea,
Oboru meu,
De toate făcăturile, de toate trimesăturile,
Să le amânați de casa cui i-a dat,
Că nu-i nici un păcat,

Că destul și eu le-am purtat
Cu casa mea, cu oboru meu,

Fugiți, fugiți, voi, gușteri pârliți,
 Cu pârliturile voastre,
 Cu făcăturile voastre,
 Să vă duceți în capul cui v-a dat,
 Că nu-i nici un păcat,
 Că destul și eu le-am purtat.
 Dar la mine să-mi aduceți
 Un pom înflorit,
 Cu florile voastre, cu rodul vostru.
 A plecat (nume cutare) pe drum, pe troian,
 La fântâna lui Iordan,
 S-a întâlnit cu Maica Precista în cal,

– Ce mă (nume cutare),
 Ce ai plecat tu de-acasă,
 Cu familia ta, cu copiii tăi,
 Văitându-te, olicându-te,
 Cu glasu-n până-n cer,

Cu față pân-în pământ?
 – Cum să nu mă olicăi,
 Și să nu mă vait!
 Că m-a făcu nașli, moașli, surorli,
 Comșii de lângă casă
 Urâții urâților,
 Zgâiții zgâiților,
 Strâmbiții strâmbiților!
 Maica Precista de auzea,
 Curând degraba de mâna dreaptă-i lua,
 Și-i ducea la fântâna lui Iordan.
 Îi băga în jghiab de aur,

Lua canta de aur,
 Se ducea la fântâna de aur,
 Scottea apa de aur, și-i lua și-i spăla.
 Cum spală țiganii de carbuneală,
 Și petele de zmoală.
 Le au luat de pe cap ptele de țap,
 De pe țâță ptele de mătă,
 De pe picioare cățele de nojicioare,

De să lăuda,
 De să mira lumea și țara de el,
 C-a venit primăvara,

A luat lumea foarfecele la vie,
 S-a dus, a tăiat via,
 A crescut lăstare,
 A luat rafie și a legat vie,
 A înflorit via,
 A legat bobu strugurii,

S-a copt strugurile,
 A venit Sânta Maria Mare
 Cu Sânta Maria Mică⁴,
 Și tri muieri,
 A mai mică sârea râu se îneca,
 A mijlocare mânca și crăpa,
 De la mare nimic nu îi erea,
 Și a rămâns casa lu (nume cutare)
 Și oboru lui

Curat și luminat,
 Ca Maica de Fată,
 Ca strugurile din vie,
 Ca Maica Sânta Sânta Maria.
 Leac de mâna mea
 Și de Maica Precista.

De порос (Заговор на удачу)
(информант Йованка Житя, с. Ябуковац)

Cum trage albina la stupină,
 Și lumea la fântână,
 Și copilu la mumână
 Așa să tragă după domnu
 Toate fâmeile și tot (нрзб.)
 Să fie vădzut și auzît
 Ca steagu peste nuntă,
 Ca arângu peste sat,
 Pe unde mergea și pe unde trecea,
 Să aibă noroc și srecea
 Și la sud, și la advocat,

Și la țarină,
 Și la director,
 Și la toți
 Să fie vădzut și auzît
 Înainte la toată lumea
 Și la femeia lui
 Și pe unde mergea...

(Нрзб.) toți care sînteți aici
 Să fiți vădzuți și audzîți

Ca steagu piste nuntă.
 Mă rog la Dumnedzău
 Și la Maica Precistă
 Și la Cristos, Sta Maica Marie,
 La Dumnezeu și la Maica Precistă
 Și la Cristos, Sta Maica Marie...
 La toți voi aicea cinci, într-ajutor să vă fie.
 Asta, mă rog (нрзб.) cu cruci.

В текстах присутствует ряд лексем славян-

ского происхождения, которые зафиксированы в словарях румынского языка. Одни из них, как считается, пришли в румынский из старославянского; другие даны в словарях с пометами, указывающими на болгарское или сербское происхождение (иногда авторы одних словарей отмечают болгарское или сербское, авторы других – старославянское происхождение одной и той же лексемы). Ниже даются лексемы старославянского происхождения, а также заимствованные из южнославянских языков или имеющие аналоги в этих языках из приведенных текстов заговоров. Среди них есть и слова, входящие в нормативный словарь, и регионализмы. Лексемы приводятся в том порядке, в котором встречаются в текстах:

colác s. m. sg. ‘калач, каравай’ ← ст.-слав. *колач* (ср. болг. *колач*, сербохорв. *колач*, словен. *kolač*, чеш., слвц. *kolač*, польск. *kołacz*, в.-луж. *kołac̣*, н.-луж. *kołac*, укр. *колач*, др.-рус. *колачь*) ← *kolo ‘круг’ (DEX 1998: 194-195; Ciorănescu 2007: 224-225; Фасмер);

zăstălît adj. m. sg. ‘полный, наполненный’ – возможно, от глагола *a zăstăvi* ← слав. *застави* (ср. рус. *заставить*) (MDA 2010; Scriban 1939);

încergăt adj. m. sg. ‘накрытый покрывалом’ – от *cergă* s. f. sg. ‘покрывало’, реже ‘полотно для шатра’, ср. также арум. *cergă* (*čergă*) ‘ковер’, ‘покрывало’, ‘тент’, ‘палатка’, мегленорум. *cergă* ‘палатка’, тур. *çerge* ‘палатка, шатер, юрта’, ‘навес’, алб. *cergë* ‘паутина’, ‘тряпка’, ‘покрывало (из козьей шерсти)’, н.-греч. *τσεργα* ‘шерстяное покрывало’, ‘шатер’, болг. *черга* ‘грубо тканая подстилка или покрывало/одеяло’, диал. ‘половик’, но также *чергар* ‘кочевник’, ‘цыган’, *чергило* ‘крыша над повозкой’, серб. *черга* ‘цыганский шатер’, ‘покрывало (из конопли)’, ‘холст, рядно’, цыган. *čerga* ‘шатер’ (Ciorănescu 2007: 171; Părahađi 1963: 352; Речник..; Гирфанова: 257-258). А. Чорэнеску предполагал изначальное происхождение этого слова от лат. *serica*, *sericorum* ‘шелковые ткани или платья’, которое могло проникнуть в новогреческий язык, из новогреческого – в турецкий, а из турецкого – в болгарский и сербский (Ciorănescu 2007: 171);

plug s. n. sg. ‘плуг’ ← ст.-слав. *плугъ*, которое, в свою очередь, было заимствовано из древне-верхне-немецкого *pfluog* или готского *plōgs ‘плуг’, ср. также болг. и сербохорв. *плуг*, словен. *plūg*, чеш. *pluh*, *plouh*, слвц. *pluh*, польск. *plug*, в.-луж. *phuh*, н.-луж. *plug*, полаб. *pläug* (Ciorănescu 2007: 612-613; Фасмер; Skok 1972);

brăzuléle (дими́нүтив s. f. pl. от *brazdă* s. f. sg. ‘борозда’ ← ст.-слав. *бразда*) (DEX 1998: 110; Ciorănescu 2007: 112);

liváde (*livádă*) s. f. sg. ‘сенокосный луг’ ← от болг. *ливада* или укр. *левада* (MDA 2010; NODEX 2002)⁵. В словарях А. Чорэнеску и А. Скрибана указывается на изначальное греческое происхождение этого слова (ср.-греч., н.-греч. *λιβάδι(ov)*) и на то, что в румынский язык оно могло проникнуть через посредство старославянского, причем Чорэнеску не исключает и непосредственное проникновение в румынский из греческого (Ciorănescu 2007: 473; Scriban 1939);

izvorás s. n. sg., дими́нүтив от *izvor* s. n. sg. ‘источник’ ← ст.-слав. *изворъ* (ср. серб., болг., макед. *извор*) (MDA 2010; Ciorănescu 2007: 440);

măliór s. m. sg., дими́нүтив от слова *mălin* s. m. sg., которое, в свою очередь, является регрессивным дериватом от *mălină* s. m. sg. ‘белая акация’ (*Robinia pseudoacacia*) – от болг. и укр. *малина* ‘малина’⁶ (MDA 2010). Чорэнеску указывает также на соответствия в болгарском, сербском, хорватском, словенском, чешском, польском и русском языках (Ciorănescu 2007: 487);

voz s. m. sg. ‘поезд’ ← серб. *воз* ‘поезд’;

prúgă s. f. sg. ‘железная дорога’ ← серб. *пруга* ‘полоса, линия’, ‘железнодорожное полотно’;

a (se) oprí, oprésc, opréște vb., refl., trans. ‘останавливать(ся)’ ← от слав. *oprěti* (ср. чеш. *oprěti* ‘держат, поддерживат’, рус. *опереться*) (Ciorănescu 2007: 561-562);

a (se) potolí, potolésc, potoleáscă vb., refl., trans. ‘успокаивать(ся)’ ← от серб. *потулити*, болг. *потулям (се)* ‘скрыть(ся), укрыть(ся), спрятать(ся)’ (DEX 1998: 831; Речник...), или от ст.-слав. *потолити*, ср. рус. *утолить* (Scriban 1939; NODEX 2002);

bârlogéle (дими́нүтив s. n. pl. от *bârlóg* s. n. sg. ‘загон для скота’⁷ ← ст.-слав. *бърлогъ* ‘берлога’, ср. укр. *берлога* ‘соломенная подстилка, скверная постель’, болг. *бърлога* ‘нора дикого животного’, перен., разг., ирон. ‘неубранное жилище’⁸, сербохорв. *брлог* ‘свинарник, логово, мусорная свалка’, *брлог* – то же, серб. тимок. *брлог* – ‘мусор, грязь (в неубранном доме)’, словен. *brlog* ‘пещера, убежище’, чеш. *brloh* ‘логово, хибара’, польск. *bartóg*, ‘соломенная подстилка, мусор, нечистоты’, в.-луж. *bortoh*, н.-луж. *bartóg* ‘соломенная подстилка’) (MDA 2010; Фасмер; Skok 1971; Динић 2008: 46);

cârtologele (дими́нүтив s. n. pl. от *cârtóg* s. n. sg. ‘помещение для скота’) ← вероятно, от серб. *кртог* ‘свалка, мусор’ (Scriban 1939; Skok 1972). Слово *cârtog* в значении ‘убежище’ бытует в округе Мехединць в Олтении, в значении ‘грязь’ – в округе Тимиш в румынском Банате (Boteanu, Borloveanu 2003: 491; Dicţionar de cuvinte... 2002);

cocoşéiniţă s. f. sg. ‘курятник’ (от общерум. *cocoş* s. m. sg. ‘петух’ ← ст.-слав. *кокош* ‘курица’, ср. болг. и серб. *кокошка*, серб. рег. *кокош* ‘курица’, польск. *kokosz* ‘курица’) (Ciorănescu 2007: 222);

coşere s. f. sg. и pl. (вариант pl. *coşeri*) ‘хлев, кошара’ (ср. станд. рум. *coşar* s. n. sg., *coşară* s. f. sg.) ← от ст.-слав. *кошара* (MDA 2010) или болг. или серб. *кошара* (DEX 1998: 232). Сходные термины имеются в словенском (*košara*, *košar* ‘круглая корзина’), словацком (*košiar* ‘загон’), польском (*koszara*, *koszar*), украинском и русском (*кошара*) языках (Фасмер). Есть и предположение о заимствовании славянскими языками из восточнороманских (от лат. *caseāria* ‘сыроварня»), в пользу которого говорят арумунские варианты *căşare*, *căşărie* (Фасмер; Parahagi 1963: 279-280);

obór s. n. sg. ‘двор’ – по данным большинства словарей, слово *obór* в данном значении произошло от болг. *обор* ‘хлев’, болг. диал. ‘ограда, плетень’, серб. *обор* ‘загородка для свиней’ (MDA 2010; NODEX 2002; DEX 1998: 707; Речник...). А. Скрибан увязывал слово *obór* в значении ‘двор’ с другим значением этого слова – ‘веревка’, и писал о его родстве со ст.-слав. и рус. *обора* ‘веревка’ (в том числе огораживающая пространство) (Scriban 1939; NODEX 2002; Фасмер);

gúşteri (s. m. pl.; s. m. sg. *gúşter* ‘ящерица’) ← от серб. *гуштер*, болг. *гуштер* ‘ящерица’ (авторы Малого академического словаря указывают вероятное сербское происхождение этого слова, А. Чорэнеску – болгарское и сербское) (MDA 2010; NODEX 2002; Ciorănescu 2007: 384);

pârliti adj. m. pl. ‘опаленные’, **pârlitură** s. f. sg. ‘ожог’ ← *a pârli* vb. trans. ← от болг. *пърля*, серб. *пърлѝти* ‘опалить’ (MDA 2010; DEX 1998: 770; Речник...);

rod s. n. sg. ‘урожай’ ← ст.-слав. *родъ*, ср. болг. *rod*, сербохорв. *rôd*, словен. *rođ*, чеш., слвц. *rod*, польск. *ród*, в.-луж. *ród*, н.-луж. *rod*, рус. и блр. *rod*, укр. *pid* (род. п. *роду*) (MDA 2010; DEX 1998: 931; Фасмер);

troián s. n. sg. – по словам информантов из Шипикова, где был записан заговор, это слово употребляется в значении ‘колея, след от колес’. В стандартном румынском языке имеет значения ‘древнее укрепление, вал’ (ср. *valul lui Traian* ‘Траянов вал’), ‘куча, насыпь’, ‘сугроб’. В олтенских говорах это слово употребляется в значениях ‘тропинка через луг’ и ‘санный след на снегу’ (Ciorănescu 2007: 805-806). П. Скок указывает, что кроме значений ‘римское укрепление’ и ‘сугроб’ это румынское слово может употребляться в значениях ‘паром’ и ‘переулок’ (в Олтении, Банате и Трансильвании) (Skok 1973). А. Чорэнеску считал, что наследование этого слова румынским языком напрямую из латыни (от лат. *Trāianus*) фонетически невозможно, и настаивал на его славянском происхождении (например, от серб. *тројан*) (Ciorănescu 2007: 805-806);

Máică s. f. sg. 1) ‘мать’ 2) ‘матушка’ (монахиня) ← болг. *майка*, сербохорв. *мајка* (Ciorănescu 2007: 485; MDA 2010);

Précistă adj. или s. f. sg. ‘пречистая’, ‘Дева’ ← слав. *пречиста* (Ciorănescu 2007: 631; DEX 1998: 838);

a olicăi vb. ‘рыдать’ ← болг. *олелеча*, диал. *олелекам*; серб. *лелекати* (Ciorănescu 2007: 559; Şăineanu 1929; Речник...);

glas ← ст.-слав. *гласъ* (ср. болг. и сербохорв. *глас*, словен. *glâs*, чеш. *hlas*, польск. *głos*, в.-луж. *hlôs*, н.-луж. *głos*, укр. и рус. *голос*, блр. *голас*) (Ciorănescu 2007: 369; Фасмер);

comşii s. f. или m. pl. от *comşie* s. f. sg. или *comşiu* s. m. sg. ‘сосед’ – по мнению авторов Малого академического словаря, в румынский язык это слово пришло из болгарского (от болг. *комишия* (MDA 2010), возможно также от серб. *комишија* ‘сосед’), однако изначально оно является турцизмом (от тур. *komşu*) (Гирфанова: 629; Речник...);

degrabă adv. ‘быстро’ ← *de* + *grabă* ← *a grabi* vb. trans. ‘спешить, торопиться’ ← ст.-слав. *grabѝти* (MDA 2010) или болг. *грабя* ‘грабить’, ‘брать быстро, один за другим однородные предметы’ (NODEX 2002; Речник...) (ср. также сербохорв. *grabѝти*, словен. *grabiti*, чеш. *hrabat*, слвц. *hrabat*, польск. *grabić*, в.-луж. *hrabać*, н.-луж. *grabaś*, укр. *grabѝти*, рус. *грабить*) (Фасмер);

jghiáb s. n. sg. ‘жёлоб’, ‘оросительный канал’, ‘корыто’ ← вероятно, церк.-слав. *жльбъ* (ср. болг. *жлеб*, сербохорв. *žlijeb*, *žlib* и др., словен. *žlěb*, др.-чеш. *žleb*, слвц. *žl'ab*, *žleb*, польск.

žlób, в.-луж., н.-луж. *žlob*, др.-рус. *жолобъ*, укр. и блр. *жолоб*, рус. *жолоб*, *жёлоб* (Ciorănescu 2007: 444; Фасмер; Речник...);

cântă s. f. sg. ‘ведро’. Этот термин, который мог быть заимствован из сербского или венгерского языка, встречается и в Румынии, в частности в Олтении – в округе Мехединць, граничащем с Сербией (в значении ‘ведро’) и в Трансильвании (в значении ‘глиняный горшок’, ‘большая кружка’) (Boteanu, Borloveanu 2003: 491; Sărbători și obiceiuri 2003: 405; MDA 2010). В словаре П. Скока слова *kanta* нет, но есть слово *kantara* ‘медный горшок’, которое выводится из греч. *κάνθαρος* через лат. *cantharus* ‘критский сосуд на ножке и с двумя ручками’ (Skok 1972: 35);

zmoálă (*smoálă*) s. f. sg. ‘смола’ ← ст.-слав. *смола*, ср. болг., рус., укр. *смола*, серб. *смола*, словен. *smola*, чеш. *smola*, *smůla*, слвц. *smola*, польск. *smoła*, в.-луж. *smoła*, н.-луж. *smoła*, полаб. *smůla* ‘смола’ (DEX 1998: 997; Ciorănescu 2007: 725; Фасмер);

nojicioáre (дими́нүтив s. f. pl. от *nojîță* s. f. sg. ‘тонкая веревка (в том числе для подвязывания обуви – опинок’)) ← от болг. диал. *ножица* ‘ножка’, ‘узкая кожаная полоска, ремешок’ (MDA 2010; DEX 1998: 697; Речник...), серб. *ножица* (Scriban 1939);

copil s. m. sg. (*copilă* f.) ‘ребенок’, ‘юноша’, ‘слуга’, в рассматриваемом диалекте также ‘сын’. Устаревшие значения – ‘внебрачный ребенок’, ‘росток, побег’, ‘верхушка, кончик; край’ (Бихор); ‘направляющий штифт дверной петли’ (Молдова) (MDA 2010; Ciorănescu 2007: 237; Гирфанова: 633-634). Слово *copil* в значении ‘внебрачный ребенок’ есть в арумынском языке (Parahagi 1963: 305; Ciorănescu 2007: 237). Этимология этого слова неясна (ср. алб. *kopil* ‘внебрачный ребенок’, ‘батрак’, ‘хитрый человек’, ‘побег, мешающий росту растения в корне или на стволе’; сербохорв. *kopile*, *копеле* ‘внебрачный ребенок’, (перен.) ‘чахлый початок кукурузы’, чакав. *kopil*, *kopil* ‘мул’; болг. *копеле* ‘внебрачный ребенок’, (прост.) ‘парень’, диал. ‘отросток на кукурузном стебле’; н.-греч. *κόπελος* ‘бастард’, *κοπέλι* ‘мальчик’, *κοπέλα* ‘девочка’; тур. арг. *kopil* ‘огарок’, ‘пацан, сорванец’ (MDA 2010; Fjalor 1980: 867; Skok 1972: 147; Речник...; Гирфанова: 633-634). В румынских словарях встречается указание на автохтонное (фрако-дакийское) происхождение этого слова (NODEX 2002). А. Чорэнеску предполагал, что слово проникло в албанский, греческий и др.

языки из румынского; П. Скок – что в румынский и сербохорватский оно пришло из албанского (Ciorănescu 2007: 237; Skok 1972: 147);

steág s. n. sg. ‘знамя’ ← ст.-слав. *stěgŭ*, *stěgъ; ср. также болг. (стар.) *стяг*, сербохорв. *stijeg* (Scriban 1939; Речник...; Skok 1973: 334; Фасмер). В Толковом словаре румынского языка за 1998 г. уутверждается, что это слово проникло в румынский язык из русского (DEX 1998: 1018). М. Фасмер различает древнерусское *стагъ*, заимствованное из др.-сканд. *stǫng* ‘древко, шест’ (от которого произошли рус. и укр. *стяг*, блр. *сцяг*), и слав. *stěgъ: сербохорв. *стийег*, др.-сербск. *стегъ* ‘знамя’, которое связано со *стежер*, *стожар* (Фасмер). П. Скок также связывает сербохорв. *stijeg* со *stog*, *stožer* и отмечает, что наличие слова *steag* в румынском языке указывает на невозможность его прихода в сербохорватский язык из церковнославянского (Skok 1973: 334);

noróc s. n. sg. ‘удача, счастье, (добрая) судьба’ ← ст.-слав. *нарокъ* (ср. рус. *нароком*, *ненароком*, *нарочно*, *невнарок* ‘нечаянно’; слвц. *nárokom*, *nároky*, *náročku*, *náročně*, *náročno* ‘нарочно’) (DEX 1998: 699; Ciorănescu 2007: 547; Фасмер);

srecea s. f. sg. ‘счастье’ ← серб. *срећа* ‘счастье’. Это слово нам не удалось обнаружить в румынских словарях, однако у А. Скрибана и А. Чорэнеску приводится слово *strînște* (с вариантами *striște* и *triște*) в значении ‘судьба, удача’, зафиксированное в Олтении и Мунтении (Scriban 1939; Ciorănescu 2007: 805). Это слово упоминается и в словаре П. Скока (Skok 1973: 319). А. Скрибан выводит его из болг. *среца* ‘встреча’, П. Скок – из серб. *срећа* ‘счастье’ (Scriban 1939; Skok 1973: 319);

sud s. n. sg. ‘суд’ ← от серб. *суд*. В словаре А. Чорэнеску приводится значение этого слова в румынском языке ‘провинция, департамент’ (Ciorănescu 2007: 757) (ср. рум. *județ* ‘округ’ ← от *jude* ‘судья’);

țárină s. f. sg. ‘таможня’ ← вероятно, от серб. *цáрина* 1) ‘таможня’, 2) ‘поле’. В словарях это слово в разных вариантах произношения (*țárină*, *țárnă*, *țearină*) приводится в значении ‘обработанная земля, пахотная земля, пашня’ и также выводится из серб. *царина* (Ciorănescu 2007: 775; DEX 1998: 1123; NODEX 2002). В словаре А. Чорэнеску приводится словосочетание *poarta țárinii* – ворота или проход, отделявший село от его поля и охранявшийся специаль-

ным стражником (Ciorănescu 2007: 775). П. Скок предполагал происхождение румынского слова *țarină* ‘пашня’ от рум. *țară* ‘страна, земля’, произошедшего, в свою очередь, от лат. *terra* (Skok 1971: 253). В словаре М. Фасмера указано, что укр. и южн.-рус. *царина* ‘пашня, пастбище, загон’ произошли от рум. *țarină* ‘пашня’ (Фасмер).

Лексемы славянского происхождения более многочисленны в первом заговоре, который содержит большое число слов, связанных с хозяйственной деятельностью (*brăzulele* ‘борозды’, *plug* ‘плуг’, *bârlogele*, *cârtologele* ‘помещения для скота’). Тот факт, что большинство их зафиксированы в словарях XX и начала XXI в., говорит о том, что данные лексические единицы достаточно давно восприняты носителями языка. Гораздо менее многочисленны заимствования из сербского языка, входящие в состав современных лексических дублетов. В заговоре „Întorsura mare” это слова *voz* sg. n.= *tren* ‘поезд’ и *prugă* s. f. sg. = *cale ferată* ‘железная дорога’, которые, появились в диалекте влахов (румын) Восточной Сербии одновременно с появлением в их жизни обозначаемых ими понятий, то есть не ранее конца XIX в.; в заговоре „De poroc” – слова *sud* = *judecată* ‘суд’ и *țarină* = *vată* ‘таможня’ (эти слова присутствуют в ряде современных румынских словарей, но в ином значении, нежели то, в котором они употреблены в заговоре). Большая часть лексики заговоров относится к легко узнаваемой и составляющей основную лексическую массу румынского языка. Человеку, владеющему стандартным румынским языком, но не знакомому с особенностями местного диалекта и не знающему сербского языка, легче понять на слух текст произносимого информантом заговора, нежели спонтанную речь того же информанта, в которой нередко наблюдается смешение кодов.

Для сравнения приведем отрывок из интервью с Виданкой Лаутаревич, взятого в апреле 2019 г. Венциславом Дуйновичем. В отрывке идет речь о соседях и сыне информанта. Фразы на сербском языке и лексические заимствования из сербского (в синхронном плане) записаны кириллицей:

V. L.: – *Ete fetițele așa... are două fetițe și copil de la Maria... Și ieri, cică: „Баба Виданко!” – „Шта, бре, Сапе?” – „Јел си ми донела нешто слатко?” – „Сам купила у продавницу, и пак ћу ти донесем“.* *Luai două banăniți... îi dădi o banăniță la unu, o banăniță la altu... Nu știe copiii*

nimic, mânca v-aș gura! Omu are gura urâtă. S-a maldărit și s-a făcut cât de al (dracu)... Da nu se uită el că eu sînt singură în sobă, și copiii mei ar vrea să vină, ama ești argat... Ești argat și nu poți să scapi de acolo. Și el nu poate să vină, al meu copil, că a ieși în penzie, a dobândit решенье de penzie, инвалидска...

V. D.: – *Mai bun acolo să șadă... Auzi? Să șadă acolo... Aicea doctorii noștri să nu...*

V. L.: – *Nu cutez doctori! Nu e, că el picioarele... nima să spun ce este, a dobândi решенье. Și acuși nu cutează, îi vine controla în toată stămâna să vadă să nu fie de Iugoslavia la lucru, ori să nu s-o fi dus undeva să lucră, da a mințit-o să fie de инвалидска... Și el nu poate până nu dobândește решенье de penzie! Acolo treaba lui, când vrea el. Eu... cum poți... cu bani mă podrjește, nu să mă bag la nimă, am de toate ălea...*

(В. Л.: – *Вот эти девочки... у него две дочери и сын от Марии... И вот, вчера: «Баба Виданка!» – «Что, Сапа?» – «Ты мне принесла что-нибудь сладкое?» – «Я купила в магазине, и сейчас тебе принесу». Я взяла две банановых конфеты, одну конфету дала одному, другую конфету – другому. Не знают дети ничего, мои сладкие! А у мужика злой язык. Воображает о себе, сам (черт) ему не брат... Но он не видит, что я одна в доме, и мои дети хотели бы приехать, но ты наемный работник... Ты наемный работник и не можешь уйти оттуда. И он не может приехать, мой сын, потому что он (должен) выйти на пенсию, получить (судебное) решение о пенсии по инвалидности.*

V. D.: – *Лучше там сидеть... Слышишь? Пусть сидит там... Здесь наши врачи не...*

V. L.: – *Не решаются (не могут) врачи! Нет, потому что у него с ногами (проблемы)... Я только (хочу) сказать то, что есть, он (должен) получить решение. И теперь не решается (не может), к нему приходит контроль каждую неделю, проверять, что он не в Югославии на работе, не уехал куда-нибудь работать, и не соврал, что будет на пенсии по инвалидности... И он не может, пока не получит решение о пенсии! Там его дело, когда он хочет. Я... как хочешь... деньгами он меня поддерживает, я ни к кому не лезу, у меня все есть...)*

В этом тексте также есть славизмы, отраженные в современных словарях:

a dobândi (*dobândesc, dobândește*) vb. trans. ← ст.-слав. *добути* (Ciorănescu 2007: 295; MDA 2010; NODEX 2002);

treábă s. f. sg. ‘дело’ ← ст.-слав. *трѣба* (Ciorănescu 2007: 802; DEX 1998: 1108; Фасмер).

В нем присутствуют и слова, чья этимология восходит к другим языкам, но есть аналогии в сербском или болгарском:

copil (см. выше);

sóbă s. f. sg. ‘комната’, ‘помещение’, ‘жиле’.

В этом значении слово *sobă* бытует в Олтении, Трансильвании и Банате, тогда как в Мунтении и Молдове, а также в стандартном румынском языке оно употребляется в значении ‘печь’ (Ciorănescu 2007: 727; Șăineanu 1929; Scriban 1939; Гирфанова: 898). В арумынском языке также встречается употребление слова *sobă* и в значении ‘печь’, и в значении ‘комната’ (Papașagi 1963: 962). Некоторые словари возводят олтенско-банатское *sóbă* ‘комната’ и мунтенско-молдавское *sóbă* ‘печь’ к разным источникам – первое к венг. *szoba* ‘комната’, второе – к тур. *soba* ‘печь’ (NODEX 2002; DEX 1998: 998). А. Скрибан настаивал на множественной этимологии этого слова: венг. *szoba* ‘комната’, *szap* ‘печь’, др.-герм. *stuba*, герм. *stube*, ср. др.-исл. *stofa*, *stufa*, англ. *stove*, др.-англ. *stofe* – изначально ‘ванная комната’, затем ‘комната с печью’ и, наконец, ‘печь’. Ср. также сербохорв. *soba* ‘комната’, ‘помещение, отапливаемое печью’, ‘печь’ и др., болг. *soba* ‘комната, спальня’, диал. ‘печь’, тур. *soba* ‘печь’, ‘теплица’, алб. *sobë* ‘печь’, ‘женская комната’, ст.-слав. и др.-рус. *истѣба* ‘дом, баня’, рус. *изба* и др., но также нар.-лат. *extufare* ‘парить’, итал. *stufa*, прованс. *estuba*, фр. *étuve* (Scriban 1939; Skok 1973: 299; Речник.; Гирфанова: 898; Фасмер);

argát s. m. sg. (*argátă* f.) 1) ‘батрак, нанятый для сельскохозяйственных или домашних работ’, 2) ‘поденщик’, 3) (f.) ‘служанка’ ← н.-греч. *ἀργάτης*, ср. также болг. *аргат* (устар. и диал. *аргатин*), сербохорв. *аргатин*, серб. тимок. *аргатльк* ‘поденная сельскохозяйственная работа’, алб. *argat*, тур. *irgat*, *argat* ‘поденщик, батрак’ (MDA 2010; Ciorănescu 2007: 48; Skok 1971: 59; Динић 2008: 9; Речник.; Гирфанова: 58, 465).

В приведенном фрагменте интервью мы видим пример переключения кодов – когда информант пересказывает свой диалог с соседской девочкой, просившей у нее что-нибудь сладкое (диалог происходил на сербском языке, так как с детьми обычно говорят по-сербски). Также в нем есть примеры смешения кодов – включение в румынскую речь сербских слов – *решенье* (ср.

рум. *hotărâre*), *инвалидска* (*пензуја*) (ср. рум. *pensie de invaliditate*), и даже корней слов – глагол *a podrji* (*podrjesc*) ‘поддерживать’, основа которого происходит от сербского *подржати* и который спрягается как румынский глагол IV спряжения, с суффиксом *-esc* (ср. рум. *a susține*, *a spijini*). Слово «пенсия» информантка также произносит скорее на сербский манер, нежели на румынский (*penzie* s. f. sg., а не *pensie*), однако при употреблении в неопределенной форме произносит это слово с окончанием *-e*, а не *-a*, как в сербском языке (серб. *пензуја*). Слово, обозначающее банановую конфету, она произносит как *banăniță* s. f. sg. (pl. *banăniți*). В румынском языке возможно образование диминутива от существительного *banăni* s. f. sg. с помощью суффикса *-iță* (этот способ образования диминутивов заимствован из южнославянских языков) (Pascu 1916: 264-265; Vergaru 2010: 19-26), но в стандартном румынском в этом случае ударение должно падать на суффикс: *banăniță*. По-сербски шоколадная конфета с банановой начинкой, по форме напоминающая банан, называется *банăница* s. f. sg. (pl. *банăнице*). Однако в рассматриваемом говоре это слово в неопределенной форме оканчивается на *ă*, а не на *a*; форма множественного числа этого слова также отличается от сербской. В этих двух случаях можно говорить о фонетической адаптации.

Лексические заимствования, которые содержат тексты заговоров, довольно многочисленны, однако большинство из них находится на этапе укоренения в языке-реципиенте, тогда как в спонтанной речи информанта присутствуют слова, заимствованные из сербского языка, находящиеся на начальном этапе адаптации. Кроме того, приведенный фрагмент спонтанной речи демонстрирует переключение кодов, примеры которого, естественно, отсутствуют в заговорах.

На наш взгляд, заговоры, бытующие у влахов Восточной Сербии, традиция их передачи «по наследству» от старших женщин к более молодым и востребованность услуг знахарок-ворожей (*vrăjitoare* s. f. sg. и pl.) способствуют сохранению местных диалектов румынского языка. Однако этими текстами активно владеет лишь часть жителей «влашских» сел, поскольку они относятся к специфической женской субкультуре.

Список сокращений

алб. – албанский	рум. – румынский
англ. – английский	рус. – русский
арг. – арго	серб. – сербский
арум. – арумынский	сербохорв. –
блр. – белорусский	сербохорватский
болг. – болгарский	словен. – словенский
букв. – буквально	слвц. – словацкий
венг. – венгерский	ср.-греч. –
в.-луж. –	среднегреческий
верхнелужицкий	ст.-слав. –
герм. – германский	старославянский
диал. – диалектный	тимок. – тимокский
др.-англ. –	тур. – турецкий
древнеанглийский	укр. – украинский
др.-герм. –	устар. – устаревшее
древнегерманский	фр. – французский
др.-исл. –	цыган. – цыганский
древнеисландский	чакав. – чакавский
др.-рус. –	чеш. – чешский
древнерусский	южн.-рус. –
др.-чеш. –	южнорусский
древнечешский	
ирон. – ироническое	adj. – adjektivum
итал. – итальянский	f. – femininum
лат. – латинский	m. – masculinum
макед. – македонский	n. – neutrum
мегленорум. –	pl. – plural
мегленорумынский	refl. – reflexivum
нар. – народное	s. – substantivum
н.-греч. –	sg. – singular
новогреческий	trans. – transitivum
н.-луж. –	vb. – verbum
нижнелужицкий	DEX – Dicționarul
нрзб. – неразборчиво	explicativ al limbii
перен. – переносное	române
полаб. – полабский	MDA – Micul dicționar
польск. – польский	academic
прованс. –	NODEX – Noul
провансальский	dicționar explicativ al
прост. –	limbii române
простонародное	
разг. – разговорное	

Примечания

¹ Румыноязычные жители Восточной Сербии изредка используют термин *vlahi* (*valahi*) в качестве самоназвания наряду с термином *rumâni*, однако крайне редко употребляют словосочетания «влашский язык» или «мы говорим по-влашки» – обычно говорят *vorbim rumânește / rumânească* («мы говорим по-румынски»). Словосочетание *limba vlahă* применяют общественные деятели, утверждающие, что это отдельный язык, а не диалекты румынского.

² Термин *царанский* происходит от самоназвания *țăreni* (sg. *țărean*, которое, в свою очередь, произошло от названия страны, из которой они прибыли – *Țara Românească* (букв. «Румынская страна», Валахия). В общерумынском значении «крестьяне» в изучаемом регионе это слово не употребляется.

³ Название говора произошло от слова *ungureni* (sg. *ungurean*), изначально обозначавшего румын из Трансильвании, то есть с территории, входившей в прошлом в состав Венгрии («Венгерской страны» – *Țara Ungurească*).

⁴ Названия праздников Успения и Рождества Богородицы.

⁵ В стандартном румынском языке основное значение слова *livadă* – фруктовый сад. В значении «сенокосный луг» оно употребляется в олтенских и банатских говорах (Scriban 1939; MDA 2010).

⁶ В стандартном румынском языке основное значение слова *mălin* – черемуха (*Prunus padus*). Мы приводим значение, в котором его используют местные жители.

⁷ Мы приводим значение, которое имеет это слово в рассматриваемом диалекте. Малый академический словарь 2010 г. дает такие значения данного слова: 1) берлога медведя, 2) нора, 3) ложе (фиг.), 4) жилище (фиг., фам.), 5) прибежище разбойников и др. (MDA 2010).

⁸ В болгарский язык это слово, возможно, пришло из русского (см. Речник...).

Литература/References

Гацовић С. Бајања у култу мртвих код Влаха североистојне Србије. Београд: Ћигоја штампа, 2002. 152 с. / Gacović S. Bajanja u kultu mrtvih kod Vlaha severoistočne Srbije. Beograd: Ćigoja štampa, 2002. 152 s.

Гирфанова А. Х., Лопашов Ю. А., Петрович С., Сухачев Н. Л. Тюркизмы в языках Юго-Восточной Европы (Опыт сводного описания историко-лексикологических и этимологических данных). СПб., рукопись. / Girfanova A. H., Lopashov Yu. A., Petrović S., Suhachov N. L. Tjurkizmy v jazykah Jugovostočnoj Evropy (Opýt svodnogo opisanija istoriko-lexikologičeskikh i etimologičeskikh dannyh). SPb., rukopis'.

Динић Ј. Тимочки дијалекатски речник. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2008. 921 с. / Dinić J. Timočki dijalekatski rečnik. Beograd: Institut za srpski jezik SANU, 2008. 921 s.

Речник на българския език. <https://ibl.bas.bg/rbe/> (дата обращения – 21.03.2021) / Rečnik na bylgarskija ezik. <https://ibl.bas.bg/rbe/> (data obrashcheniya – 21.03.2021).

Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения – 21.03.2021). / Etimologicheskij online-slovar' russkogo jazyka Maxa Vasmera. <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (data obrashcheniya – 21.03.2021).

Bădescu I. Dialectologie. Programa analitică. Craiova: S. a. 85 p.

Bercaru A. Raporturi antroponimice sârbo-române. Cu privire specială asupra numelor feminine. B: Romanoslavica. Vol. XLVI, nr. 1, 2010, p. 19-26.

Boteanu C., Borloveanu D. Ponoarele. Studiu monografic. Craiova: MJM, 2003. 509 p.

Ciorănescu A. Dicționarul etimologic al limbii române. București: Saeculum I. O., 2007. 1055 p.

Dicționar de cuvinte în grai bănățean din zona Igrăș. S. a. 20 p.

Dicționarul explicativ al limbii române. Ediția a II-a. București: Univers Enciclopedic, 1998. 1192 p.

Fjalor i gjuhës së sotme shqipe. Tiranë: Akademia e Shkencave e RPS te Shqiperise, Instituti i Gjuhesise dhe i Letersise, 1980. 2273 p.

Micul dicționar academic. Ediția a II-a. București: Univers enciclopedic, 2010. 3200 p.

Noul dicționar explicativ al limbii române. București: Litera, 2002.

Papahagi T. Dicționarul dialectului aromân, general și etimologic. București: Editura Academiei Republicii Populare Române, 1963. 1264 p.

Pascu G. Sufixe românești. București: Socec, C. Sfetea, P. Suru, 1916. 489 p.

Petrovici E. Note de folclor de la românii din valea Mlavei (Sârbia). B: Anuarul arhivei de folclor. Vol. VI. Cluj, 1942, p. 58-59.

Sărbători și obiceiuri. Răspunsuri la chestionarele Atlasului Etnografic Român. Vol. III, Transilvania. București: Editura Enciclopedică, 2003. 449 p.

Scriban A. Dicționarul limbii românești. Iași: Presa Bună, 1939. 1447 p.

Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga

ili srpskoga jezika. Knjiga prva, A–J. Zagreb: Jugoslavenska Akademija znanosti i umetnosti, 1971, p. 1-414.

Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knjiga druga, K–poni'. Zagreb: Jugoslavenska Akademija znanosti i umetnosti, 1972, p. 415-765.

Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knjiga treća, Poni2–Z. Zagreb: Jugoslavenska Akademija znanosti i umetnosti, 1973, p. 766-1113.

Șăineanu L. Dicționar universal al limbei române. Ediția a VI-a. Craiova: Scrisul Românesc, 1929. 872 p.

Natalia Golant (Sankt Petersburg, Federația Rusă). Doctor în istorie, Muzeul de antropologie și etnografie „Petru cel Mare” (Kunstkamera) AȘR.

Наталья Голант (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Candidat istoricelor științe, Muzeul antropologiei și etnografiei im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN.

Natalia Golant (St. Petersburg, Russian Federation). PhD in History, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS.

E-mail: natalita1977@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0906-9560>

Maria Rîjova (Sankt Petersburg, Federația Rusă). Doctorand, Muzeul de antropologie și etnografie „Petru cel Mare” (Kunstkamera) AȘR.

Мария Рыжова (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Аспирант, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Maria Ryzhova (St. Petersburg, Russian Federation). PhD student, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS.

E-mail: mariamih@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3530-7681>